

ЗАМЕТКИ ПО РУССКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

(Винокур Г. О. Избранные работы. М., 1959. - С. 419-442)

Предлагаемые заметки имеют целью поставить вопрос о том, каким образом в современном русском языке выражается членимость производных основ на выделяющиеся в них морфемы. Под морфемой при этом здесь понимается звуковое единство (то есть звук или сочетание звуков), наделенное той или иной функцией, притом единство дробного характера, то есть такое, какое не способно существовать независимо и всегда функционирует только как часть единства более сложного слова. Поскольку речь идет об основах производных, здесь имеются, следовательно, в виду морфемы двух типов: 1) основы непроизводные, первичные и 2) аффиксы, присоединение которых к первичным основам превращает их в основы производные. Вопрос заключается в том, как мы различаем самую производность основ этого рода, то есть тот факт, что данная основа представляет собой не одну, а две или несколько определенным образом сочлененных морфем того или иного рода. Неискушенному взору умение расчлнить данную производную основу на выделяющиеся в ней морфемы может казаться очень легким. Такому пониманию, между прочим, способен содействовать тот факт, что в сочинениях, исследующих материал словообразования, обычно отсутствует общая постановка вопроса о принципах, какими следовало бы руководиться при желании узнать состав морфем данной основы, как будто бы эти принципы представляли собой нечто само собой разумеющееся. Выделяемые морфемы преподносятся чаще всего в аподиктической форме, как если бы то или иное членение основы на морфемы было чем-то очевидным и не нуждалось ни в каких обоснованиях. Между тем это вовсе не так. При сколько-нибудь внимательном отношении к делу у читателя соответствующей литературы не может не возникнуть множества вопросов вроде, например, вопроса о том, действительно ли в глаголах забываю, добываю есть приставка и при том та же основа, что в глаголе побываю (Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 185). Или, например, какие основания понуждают нас констатировать словообразовательную форму складывание [Там, где это не мешает делу, не отделяю суффиксов от окончаний.] а не складыва-ние, пис-ание, а не писа-ние, младен-чик, а не младенч-ик, лук-овость, а не луков-ость, пт-ичка, а не птич-ка, прост-ынка, а не простын-ка и т. п. (Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 211-214). Или, например, действительно ли в словах браковщик, сортировщик, весовщик один и тот же суффикс -овщик, в словах узорчатый и решетчатый один и тот же суффикс -чат, а в словах лежалый, устарелый не один и тот же суффикс -лый, а разные: -алый, -елый (Виноградов, Современный русский язык, II, 78, 196, 201). То же или не то же самое суффикс -ец в словах вроде голландец и немец (там же, 53). Действительно ли есть суффикс -ив в слове актив, суффикс -тет в слове факультет, суффикс -ерея в слове лотерея, суффикс -ист в слове артист, суффикс -ент в слове студент, суффикс -ат в слове акробат и т. д.? (там же, 60, 61, 79, 57). Требование различать морфологию и этимологию, то есть анализировать строение слова с точки зрения тех соотношений, которые раскрываются между морфемами в пределах данной языковой системы, независимо от генезиса отдельных звуков и их сочетаний, составляющих слово как звуковую форму, уже давно стало общим местом лингвистической литературы. Это требование, сводящееся к указанию на необходимость различать разные эпохи в жизни языка и не совмещать как равнозначные одновременные языковые факты, не смешивать мертвые соотношения с живыми, не раз отчетливо формулировалось уже младограмматиками у нас в России - Фортунатовым, Бодуэном де Куртене, Крушевским и др. Однако, признавая силу этого требования в теории, ученые до сих пор плохо считаются с ним в практической работе. И это находит свое выражение уже в том факте, что исследователи обычно не считают своим долгом указывать на те основания, в силу которых, по их мнению, данная основа выделяет в своем составе именно такие, а не иные морфемы. Это состояние вопроса заставляет ждать специальной работы, которая внесла бы ясность и отчетливость в самую методику нахождения истинной словообразовательной формы слова применительно к определенным языкам в определенную пору их истории. Скромную цель подсказать некоторые соображения и кое-какой подготовительный материал из области русского языка для такой специальной работы я ставлю себе в нижеследующем.

* * *

Производная основа отличается от непроизводной иным отношением к предмету действительности, ею

обозначаемому. Вообще отношение между словом, как "обозначающим", и самым "обозначаемым" (signifiant и signifie де Соссюра) может быть двояким: слово может обозначать известный предмет действительности или непосредственно, или через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими. В первом случае слово служит таким обозначением соответствующей идеи, в структуре которого остается ничем не выраженной самая сущность этой идеи, как она обнаруживается в ее реальных связях. Стол, коса, алый, нести обозначают нечто, независимо от того, какие отношения существуют у каждого такого нечто с другими явлениями действительности. Все это нерасчлененные названия соответствующих предметов мысли, и вопрос о том, почему данные предметы мысли названы именно так, а не как-нибудь иначе, постоянно возникающий у всякого, кто размышляет над своим языком, будь то историк языка или просто любознательный человек, ни в малой степени не определяет функционирования языка как наличного орудия общения. И что бы ни думали специалисты по этимологии относительно корня слова рыба, понимание этого слова в живом акте речи совершенно не зависит от возможных по этому поводу догадок. В отличие от этого, отношения между словом и обозначаемым им предметом мысли, в случаях, вроде настольный, косить, алеть, поднести, обнаруживают такое обозначение идеи, в котором данная идея раскрывается в известной хотя бы части своих связей, формирующих ее в живой действительности. Настольный - значит "находящийся на столе, предназначенный для этого", косить - "работать косой", алеть - "быть или становиться алым", поднести - "совершить действие, обозначаемое словом нести в направлении полного приближения к чему-нибудь", и т. д. Иными словами, в этих случаях известная сторона отношений, существующих у данного предмета мысли, находит себе выражение в тех отношениях, которые существуют внутри самого слова.

Таким образом, есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и суть слова с производными основами. Вот почему значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (ср., например, обычные приемы толковых словарей). Практический вывод из сказанного состоит в том, что если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звукосочетание, то выделение произведено неправильно, то есть не отразило реального факта языка. В известном смысле может показаться "естественным" в словах вроде малина, смородина выделить звукосочетание ин и приписать ему функцию обозначения ягоды. Но так как остающиеся после такого выделения звукосочетания мал, смород сами по себе лишены функции, ссылкой на которую можно было бы объяснить разницу между ягодами малиной и смородиной, то суффикса -ин в данных словах не существует. Ясно, что разница между названными ягодами, как известными предметами действительности, передана в языке разницей цельных слов малина, смородина а не разницей комплексов мал, смород, которые сами по себе ничего не значат. На тех же основаниях отрицаем наличие суффикса -ик в словах вроде брусника, клубника, гвоздика (Виноградов, 83), потому что брусника не есть ягода, характеризующаяся отношением к чему-либо, что можно было бы обозначить звуковым комплексом брусн, как гвоздика не есть цветок, имеющий отношение к гвоздю. Разумеется, вовсе не всегда подобные вопросы решаются с полной легкостью. Производная или непроеводная основа в слове земляника? Это зависит от того, входит ли в самое значение слова земляника отношение к земле. Узнать это, очевидно, можно только путем соответствующего ознакомления с опытом тех, кто данным словом пользуется. С этой точки зрения показательно, что в словарях современного русского языка (Ушакова, Стояна, в других толкование значения заменено ботаническим обозначением) значение слова земляника определено без упоминания слова земля, тогда как в толковании значения слова черника содержится упоминание черного цвета ягоды. (Разная степень авторитетности обоих словарей, и вообще их научное достоинство, в данном случае не имеет никакого значения, потому что здесь речь идет не о результате какого-либо научного лингвистического анализа, а просто о содержании сознания любого носителя русского языка.) В слове буженина нет суффикса -ин, обозначающего мясо, потому что понятие мяса здесь обозначено словом буженина как целым. Между тем в словах конина, свинина, осетрина, лососина и других

соответственных комплекс -ин означает не просто мясо, а непременно мясо того животного, которое названо в первичной основе. Такую функцию нельзя приписать комплексу -ин в слове буженина по той простой причине, что нет никакого животного, которое обозначалось бы в русском языке комплексом бужен. В таких словах, как библиотека, фототека, фонотека, картотека и пр., самой структурой слова показано что речь идет о собрании, складе известных предметов, имеющих свои обозначения в языке, ср. библиоман, библиология, фотография, новейшее фото, и т. д. Но хотя слово аптека также обозначает известного рода склад, в этом слове нет отдельных значащих единств самое отношение между которыми показывало бы, о складе чего именно идет в данном случае речь. Точно так же при глаголах занять, понять, представляющих собой по своему значению известную модификацию глагола нять, встречаем непроизводную основу унять, непроизводную потому, что значение ее неопределимо через значение глагола нять При глаголах встать, отстать, пристать, находящихся по своему значению в известном отношении к глаголу стать этого отношения не находим в глаголе перестать. Таких глаголов с бывшими приставками, неотделимых уже от основы в объективной структуре современного русского языка, хотя и легко выделяющих эти бывшие приставки для этимологической рефлексии, очень много, например затеять, завещать, забавлять, обязать, ударить, настоять (на своем решении) восхитить и т. д. (ср. Виноградов, 401) Тем не менее эти глаголы в современном языке в точном смысле слова непрефиксальные, и отсюда должны быть сделаны все нужные выводы.

То, что этимологическая рефлексия на слово есть нечто вполне реальное, отрицать нет никакого смысла. Однако это вовсе не основание для того, чтобы считать критерием для выделения или невыделения тех или иных морфем в основах сознаваемость или несознаваемость этих морфем в психологии говорящих. Указание на то, что известный комплекс звуков сознается или не сознается, "чувствуется" или "уже не чувствуется" как морфема, есть, собственно, не объяснение, а нечто, само по себе требующее объяснения, если уже "не чувствуется", то почему? Более того, можно согласиться, что в словах вроде смородина или буженина и в самом деле может "чувствоваться" суффикс -ин ведь если бы не чувствовался, то, вероятно, никогда никем бы и не выделялся С другой стороны, вполне может быть, что в словах разуть и обуть основа -у- говорящими по-русски не чувствуется, причем даже можно было бы объяснить почему именно не чувствуется Но тем не менее, как я постараюсь показать ниже, это основа вполне реальная, действительно существующая в современном русском языке. Вопрос о том, есть в данном слове то отношение, которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной, и, следовательно, выделяются в этой основе какие-нибудь аффиксы или нет, должен и может решаться исключительно установлением отношений между значениями слов в наличной языковой традиции, и только в этом смысле может идти речь о лингвистическом сознании данной среды.

Неправильно поэтому было бы думать, будто морфологический анализ основ есть дело механическое основанное исключительно на дроблении звуковой формы слова согласно звуковым тождествам, отыскиваемым для каждого соответствующего обрубка рамка членится на рам-ка не просто, потому что для первой части находим звуковое тождество в словах рама, подрамник, обрамление и т. д., а для второй - в словах ручка, ножка, шейка и т. д., а потому, что рам в слове рамка значит то же самое, что рам в прочих словах этого ряда, и что слово рамка представляет собой известную модификацию значения, каким обладает слово рама. При этом это точно такая же модификация которую находим в словах ручка, ножка, шейка в их отношении к словам рука, нога, шея. В словах барин, барыня, барич, барышня, барский, барство и т. д. выделяется общая основа бар- и соответствующая цепь аффиксов Но в слове барышня эта основа выделяется только до тех пор, пока это слово действительно обозначает дочь барина. Этого значения, очевидно, нет в выражении телефонная барышня, как обозначалась в дореволюционном русском разговорном языке телефонистка, а потому в таком употреблении самое слово барышня заключало в себе основу непроизводную. Да и сейчас еще в разговорном языке слово барышня иногда употребляется, но если и употребляется, то только в значении "девушка", то есть без всякого отношения к барину, а потому как слово, обладающее непроизводной основой. Тот же принцип решает и вопрос о том, где именно лежит граница между первичной основой и аффиксом в основах, производный характер которых ясен сразу, но в которых неясной может быть самая эта граница. В словах вроде разбойничать, развратничать, проказничать, халтурничать правильно, на мой взгляд, обычно выделяют суффикс -нича, как средство производства отыменных глаголов. В таком случае самое значение глагола разбойничать толкуется как "заниматься разбоем", развратничать - "заниматься развратом" и т. д. Косвенным доказательством правильности такого членения служат образования вроде лентяйничать, паясничать, либеральничать, повесничать, не имеющие при себе и вовсе существительных на -ник, которые могли бы толкать мысль в сторону членений вроде

лентяйничать, паясничать (ср. разбойник при разбойничать и т. п.). Ясно, что лентяйничать может означать только "вести себя лентяем", а потому бесспорно членится так: лентяй-ничать. Но это не значит, что всякий глагол, содержащий в конце звуковой комплекс ничать, имеет именно этот суффикс. Так, нельзя видеть этот суффикс в словах плотничать, греховодничать, потому что в соотношении с этими глаголами являются лишь слова плотник, греховодник, а не плот или несуществующее греховод. Таким образом в двух последних глаголах формирующий их суффикс уже не -нича-, а -а-. Подобно этому выделение суффикса -ствова- в глаголах вроде умствовать, заимствовать, ответствовать, относящихся к существительным ум, заем, ответ, а не умство и т. п., не должно мешать нам видеть, что в глаголах пиршествовать, чувствовать, относящихся к пиршество, чувство, выделяется как глагольный суффикс только -ова-, а не -ствова- (ср. Павский. Филологические наблюдения, III, 44, 65).

Таким образом, может отсутствовать теоретически мыслимое или воображаемое посредствующее звено словопроизводственного процесса, но его первая ступень, его исходный пункт нельзя представить себе отсутствующим. Если такой исходный пункт и выпадает почему-либо из языковой системы, то на его место сейчас же становится ближайшее к нему образование, приобретающее функцию первичной основы. Поэтому каждый конкретный случай подлежит индивидуальному истолкованию. Например, в слове косточка выделяется, по соотношению с кость, суффикс -очк-. Но в слове ниточка, соотношенным с нитка, а не с нить, выделяется суффикс -к-. Что же до соотношения нитка и нить, то первое из этих слов перестало уже, в сущности, быть уменьшительным ко второму, так как второе стало всего лишь фразеологическим заместителем первого в выражениях вроде ариаднина нить, красной нитью и т. п. Так нитка становится вместо нить исходным пунктом словообразовательного процесса и приобретает роль основы непрямой. Возможно, что сходный с этим процесс, в первоначальной стадии его развития, переживает соотношение слов село и сельский. Связь этих слов со словами селить, поселение и пр. уже давно утрачена. Но в послереволюционный период, в результате изменений в административной терминологии, все более редким становится употребление слова село. Его преимущественно мы сейчас наблюдаем в некоторых фразеологических оборотах, как например работать на селе, между тем как слово сельский в значении "не городской, относящийся к деревне, колхозу" (например, сельский Совет) в известной мере начинает вести существование, независимое от слова село.

Разумеется, иллюстрации этого рода можно продолжать без конца, но не они составляют главную цель этих заметок. Они должны подтвердить лишь ту простую истину, что о производной основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотношенная с ней основа непрямая. В связи с этим следует поставить и более общий вопрос о том, что, собственно, имеется в виду обычным выражением "значение того или иного суффикса". Говорится, положим, о том, что суффикс -ин в существительных женского рода имеет значение мяса, суффикс -ец, в существительных мужского рода - значение лица и т. п. Мне представляется такой способ выражаться хотя и понятным и в практической работе, при условии ясности общей точки зрения, допустимым, все же в строго теоретическом отношении не вполне точным. Никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значение производной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию. Нельзя сказать, что значит звуковой комплекс ин, пока мы наблюдаем его изолированно, как некую фиктивную данность, фиктивную уже потому, что она не имеет в языке самостоятельного существования. Нельзя сказать также, что значит сам по себе этот звуковой комплекс, пока мы наблюдаем его в словах хина, картина, витрина, малина, буженина и др., потому что ему не принадлежит здесь функция модифицирования каких-либо значений, существующих независимо от данных образований в соотношении с ними. Но мы можем сказать, что в слове горошина комплекс ин придает значению основы горох оттенок наличности в форме единичного зерна, в слове конина - тот оттенок, вследствие которого значение основы конь модифицируется в значение "мяса коня" и т. д. Вообще функция аффикса состоит в том, что он дает возможность увидеть ту же основу в другой перспективе, в одном из боковых ее освещений, а потому и вообще аффикс может иметь какой-нибудь смысл только тогда, когда он применен к какой-либо основе, а не существует сам по себе.

В строгом смысле поэтому наши обычные формулы разложения производных основ на морфемы вроде кон-ина, горд-ец, город-ской, ал-еть и т. п. на самом деле выражают отношение не между первичной основой и суффиксом, а отношение между первичной основой и производной, то есть в действительности существуют отношения конь - конина, горд - гордец, город - городской, ал - алеть и т. п.

Констатирование именно такого рода соотношений наглядно объясняет происхождение практического

приема, к которому прибегают в работах по словообразованию, когда для отыскания данной словообразовательной формы считается необходимым указать данную первичную основу хоть еще один раз в каком-нибудь другом слове данной языковой системы, то есть когда членение кон-ина обосновывается наличием слова конь и т. д. Как видим, это методическое правило не произвольно установлено, а отражает то, что существует на самом деле в языке. И можно лишь пожалеть о том, что это здравое правило соблюдается гораздо реже, чем этого требует наука.

С другой стороны, есть основания сомневаться в применимости того же правила в отношении к суффиксам. Можно задать вопрос, в самом ли деле не может существовать суффикса, встречающегося только в одном слове, или это только кажется так? По-моему, это и в самом деле только кажется так. Если согласиться с тем, что производность основы конина есть результат соотношения конь - конина, то мы вправе смотреть на производную основу как на своего рода вариацию соответствующей непродуцированной основы. Такие вариации могут быть регулярными, то есть повторяющимися от случая к случаю в одной и той же звуковой форме, например: гордый - гордость - гордец, наглый - наглость - наглец, храбрый - храбрость - храбрец и т. д., писать - писатель - писательский, читать - читатель - читательский, любить - любитель - любительский и т. д. Если данная регулярная вариация такова, что создаваемые ею словарные ряды неисчислимы, так как они всегда могут быть пополнены все новыми образованиями, мы говорим о продуктивных словообразовательных моделях. Если, наоборот, соответствующие образования ограничены, вообще - исчислимы, не возникают постоянно вновь, мы говорим о непродуцированных типах словообразования. Так, например, можно говорить о непродуцированном, но все же регулярном словообразовательном типе по поводу соотношений ходить - ходьба, косить - косьба, бороться - борьба и т. д.

Но есть также соотношения не только непродуцированные, но и нерегулярные. Сюда принадлежит, например, соотношение пасти - пастух. Суффикс лица -тух в словах мужского рода можно было бы видеть еще в слове петух по соотношению с петь, но это соотношение, как я думаю, в современном русском языке нереально, так как хотя петух и поет, но петух все же не означает в нашем языке поющую птицу. Напряжение памяти подсказывает еще старое слово питух, сейчас если и употребляемое, то только на периферии системы литературного языка (в словаре Ушакова помечено, как "просторечно-фамильярное", и иллюстрировано примерами из Марлинского и Некрасова). Нет уверенности в том, что к такому же образованию относится конюх, потому что здесь уже не глагольная, а именная основа, да и самый суффикс звучит несколько иначе. В конце концов приходим к тому, что есть только одно несомненное слово в современном литературном языке, имеющее суффикс лица -тух, именно пастух. Но от этого данный суффикс не перестает быть суффиксом, а соответствующая основа, что самое существенное, не перестает быть основой производной. Есть и другие подобные случаи. Невозможно отрицать производный характер основы жених по соотношению с женить, жена и пр., хотя других слов с суффиксом лица -их в словах мужского рода я указать не могу. Такой же природы суффикс -унок в слове рисунок, выделяемый по соотношению данного слова с словом рисовать. В слове королева снова констатируем производную основу, так как она соотносена с основой король, хотя других аналогичных случаев словопроизводства и не существует. В этом смысле нет никакой разницы между словом королева и словами королевич, королевна, хотя для двух последних и имеются аналогии в словах царевич, царевна, попович, поповна. Но для слова попадья снова нельзя указать аналогии, а между тем основа в этом слове несомненно производная, и в ней выделяется суффикс -адья, ни разу более в русском языке не встречающийся. Точно так же и в слове рукав законно видеть производную основу по соотношению с рука, хотя я не знаю других слов, которые были бы образованы так же. Такие же единично встречающиеся суффиксы следует признать в словах любовь по соотношению с любить, песня по соотношению с петь, басня в современном языке, разумеется, не соотносительно с баять и потому обладает основой непродуцированной), вражда по соотношению с враг. Важно то, что во всех подобных нерегулярных образованиях звуковые комплексы, могущие быть выделенными в них в качестве суффиксов, представляют собой подлинные звуковые единства, то есть имеют значения, устанавливаемые нами совершенно так же, как устанавливаются значения суффиксов в образованиях, построенных по продуктивным и регулярным моделям. Невозможно было бы, например, отвергнуть утверждение, что в слове вражда элемент д так же относится к элементу враж, как, положим, в слове дружба элемент б относится к элементу друж, в слове служба элемент б - к элементу служ, в слове шутовство элемент овств - к элементу шут, в слове вдовство элемент ств - к элементу вдов и т. д. Но не всякий звуковой комплекс, механически отсекаемый от тождественной части двух слов, имеет свою функцию и может быть признан морфемой. Например, невозможно, на мой взгляд, расчленить слово

охота в значении желания на о-хота и видеть здесь префикс о- по соотношению с словом хотеть, или слово смерть на с-мерть по соотношению со словами мертвый, умереть и видеть здесь префикс с-. Связь между словами охота и хотеть, смерть и мертвый совершенно несомненна. Но ни о- в слове охота, ни с- в смерти не обладают собственной функцией, и не эти звуковые элементы в данных случаях модифицируют значение соответствующих первичных основ. Следовательно, основы в словах охота, смерть должны быть признаны основами непрефиксальными, несмотря на их неоспоримую связь с основами, являющимися в словах хотеть, мертвый. В чем же в таком случае состоит эта связь?

Попытка ответить на этот вопрос приводит к заключению, что, помимо такого соотношения основ, из которых одна есть функциональная вариация другой, существует еще и такое соотношение основ, при котором эти основы представляют собой не две разные основы, а только два разных вида одной и той же основы. Хорошо известно явление, называемое чередованием звукового вида основ, как например: враг - вражда, друг - дружба, свистеть - свищу, плакать-плачу, лоб-лба и многие другие. Но под звуковыми чередованиями мы понимаем такую смену звукового состава морфемы, которая имеет регулярный характер и связана с чередованием определенных морфологических позиций. В случаях же вроде охота, смерть нет ни регулярности морфологических отношений, ни регулярности в смене звукового состава морфемы. Общего с чередованием звуков здесь только то, что морфема в ее разных звуковых видах обладает абсолютной тождественностью функции: враж- так относится к враг-, как охот- к хот-. Не настаивая на предлагаемой терминологии, а только для того, чтобы как-нибудь отличить описываемое явление от звуковых чередований и других явлений, с которыми оно может быть смешано, назову такое нерегулярное видоизменение звукового состава основы вариантом основы. Тогда в словах охота, смерть будем видеть варианты основ, выделяющихся в словах хотеть, мертвый. Подобных вариантов основ в русском языке больше, чем может показаться. Так, например, прилагательное от слова колодец звучит колодезный. Ясно, что здесь основа представлена в двух своих вариантах: колодец - колодез. Другим примером может служить соотношение паяц- и паяс- в словах паяц и паясничать. Основа, представленная в словах зависть, завистник, завистливый, очевидно, представляет собой вариант основы, выделяющейся в словах завидовать, завидный. Ср. еще синтаксис, но синтакти-ческий (сейчас уже вытеснено из употребления образованием синтаксический), скепсис - скептический, сифилис - сифилитический - сифилидолог, анализ - аналитический, паралич - паралитический. Во всех подобных случаях имеем дело с заменой одного звука другим в соотносительных формах. Но в принципе дело не меняется от того, что в известных случаях основа вырастает или убавляется на звук, как это мы видели в случаях охота, смерть. По-видимому, такое же соотношение вариантов основы мы должны видеть в цепи слов тайна - тайный - таить - тайком, так как лишнее н в существительном и прилагательном очень трудно признать суффиксом из-за невозможности приписать этому звуку какую-либо дифференцированную функцию. Вариант основы можно видеть также в случаях до-зволить, по-зволить при из-волить, прине-волить. Сюда же, очевидно, надо относить случаи вроде нести - носить, везти - возить. Впрочем, есть немало случаев, в которых нелегко установить различие между явлением вариантности основ и чередованием звуков и между вариантностью основ и присутствием общей, первичной основы исключительно в составе производных, при отсутствии ее в самостоятельном употреблении, о чем ниже.

Как бы то ни было, самое явление, названное здесь вариантностью основ, безусловно существует, и одна из задач учения о русском словообразовании, несомненно, заключается в том, чтобы привести в известность все случаи этого рода, установить их различные типы и дать им надлежащее истолкование в отношении их структуры и возникновения. Эта задача до сих пор в русском языковедении не ставилась. Однако параллельное явление в области суффиксов отмечалось уже давно. Именно хорошо известно, что как один из результатов так называемого морфологического переразложения, или, как это называют западные ученые, "перинтеграции", возникают варианты формы суффиксов полностью совпадающие по функции, но отличающиеся своим звуковым составом, притом так, что известная часть звукового состава суффикса остается неизменной. Крушевский в свое время даже пытался установить общий закон о сокращении предшествующей морфологической единицы в пользу последующей (РФВ, 1880, ср. также "Очерк науки о языке", 1883), подобно тому как Бодуэн де Куртене выводил общий закон о сокращаемости основы в пользу окончаний (РФВ, 1902). Примером может служить хотя бы суффикс -овник в слове садовник наряду с суффиксом -ник в слове хлебник. Тождественность функции этих суффиксов просто доказывается пропорцией: отношение сад - садовник равно отношению хлеб - хлебник. Самый суффикс -ник в свою очередь представляет собой результат переразложения, так как звук н в нем отвлечен от основ прилагательного. Следовательно, первоначально хлебник должно было

означать того, кто имеет отношение к хлебному делу. Посредствующей ступенью к изменению значения этого соотношения, в результате чего слово хлебник стало означать того, кто имеет отношение к хлебу, должна была служить субстантивация прилагательного хлебное (ср. Дементьев, "Ученые записки Куйбышевского пединститута", 2, 1939, и 5, 1942). Из старой литературы вопроса кое-что дает по этому поводу статья Анастасиева, "Морфологический анализ слов" (ФЗ, 1887), где указывается на функциональную тождественность суффиксов -онок и -очек в словах бочонок и цветочек и т. п. Однако было бы ошибкой думать, что всюду, где имеем звуко сочетание, состоящее из первоначального суффикса и звукового комплекса, в известных случаях отходящего к суффиксу от основы, мы каждый раз должны видеть именно этот осложненный вариант суффикса. Каждый отдельный случай должен анализироваться в свете того конкретного соотношения, которое отыскивается для него в общем лексическом запасе языка. Так, несмотря на бесспорное наличие суффикса -овщик в словах ростовщик, ламповщик этот суффикс выделяется по соотношению с рост, лампа, в слове кладовщик сохраняется суффикс -щик, потому что это слово обозначает того, кто имеет отношение не к кладу, а к кладовой. Подобно этому, несмотря на наличие суффикса -ник в словах вроде хлебник, грешник, бабник, выделяемого по соотношению с хлеб, грех, баба, в словах ударник (производства), отличник суффикс все-таки -ик, а не -ник, то есть в данном случае существует соотношение не удар - ударник, а ударный - ударник, отличный - отличник и т. д. Поэтому и в вышеприведенных примерах браковщик, сортировщик имеем суффикс -щик, а не его варианты -овщик, -ировщик, потому что браковщик соотносится ближайшим образом с браковка, а не с брак, сортировщик - с сортировка, а не с сорт и т. д. Поэтому в анализе слов, возбуждающих представление о такого рода "сложных суффиксах", как их иногда не вполне удачно называют, необходим тщательный анализ каждого индивидуального случая. Цель такого анализа должна при этом заключаться не столько даже в установлении того, какие именно звуки в составе каждого данного слова следует отнести к основе, а какие - к суффиксу, сколько в том, чтобы выяснить, с какой непроизводной основой соотносена данная производная, в том, например, чтобы установить, относится ли слово садовник как производное к слову сад или к слову садовый и т. п. Вряд ли нужно доказывать, насколько важна именно последняя сторона дела для понимания словообразовательных и лексических отношений, из которых складывается данная языковая система. Между тем нередко наблюдается склонность слишком поспешно относить к числу сложных суффиксов звуковые комплексы, в известных случаях действительно представляющие собой осложненные варианты суффикса, но одновременно в других случаях распадающиеся на две части, из которых первая относится к производящей основе, а вторая образует уже соответствующую производную основу. Одним из многих примеров может служить часто постулируемый суффикс лица в словах мужского рода -енец. Такой суффикс, несомненно, существует, например, в словах младенец, первенец. Но нельзя видеть именно этот суффикс в каждом слове, имеющем в конце основы именно такое звуко сочетание. Например, Анастасиев видит этот суффикс в словах приверженец, леденец. В последнем слове, по крайней мере для нынешнего языка, основа вообще непроизводная, но если представить себе то время, когда данное слово означало нечто производное от лед, то здесь суффикс был, действительно, -енец. Однако решительно нельзя согласиться с тем, будто именно такой суффикс заключает в себе и основа приверженец. Это слово сопоставимо только с приверженный, как своим исходным словообразовательным моментом, а потому здесь суффикс -ец. В списке слов на -енец, приводимом у Виноградова (54), не могу признать ни одного, кроме беженец, в котором действительно был бы этот суффикс. Особенно это очевидно на примере таких слов, как иждивенец, просвещенец, пораженец. Эти слова, вне всяких сомнений, входят в соотношение с соответствующими отглагольными именами на -ение, то есть реальны соотношения: иждивение - иждивенец, просвещение - просвещенец, поражение - пораженец, а потому здесь может идти речь только об образующем данные производные основы суффиксе -ец. У нас нет даже никакого другого слова, кроме иждивение (ср. древнее иждити или иждивити, то есть "потратить, израсходовать"), к которому можно было бы отнести как производное слово иждивенец. Просвещенец может никого и не просвещать, а просто служить по ведомству просвещения. Пораженец никого не поражает и никем не поражаем, а только стремится к поражению и т. д. Точно так же и слова вроде лишенец, выдвигенец, движенец, непротивленец, невозвращенец, обновленец, поскольку они соотносимы непосредственно со словами лишение, выдвигение и т. д., имеют суффикс -ец, а не -енец. Другое дело, как понимать тот факт, что данный суффикс присоединяется не к полному виду своей производящей основы, а к такому ее изменению, в котором отсутствует элемент -иј, то есть не к основе лишениј-, а к основе лишен- и т. д. Только в таких случаях, как лишенец, обновленец, мог бы еще стоять вопрос о том, что это образования к причастным формам лишен, обновлен, но это

явно невозможно по отношению к большинству приведенных примеров, так как у нас нет причастий выдвиген, непротивлен и т. д. С другой стороны, не подлежит сомнению, что отглагольные существительные на -ение давно уже потеряли непосредственную связь с когда-то образовавшими их причастиями страдательного залога и сейчас соотносятся прямо с глагольной основой лишить - лишение и т. д. Таким образом, в словах вроде лишение суффикс, конечно, -ение, а не два суффикса -ен и -ие. Поэтому основы вроде непротивлен-, выдвиген- и т. п., к которым прибавляется суффикс лица -ец, можно понимать только как варианты основ непротивлениј-, выдвигение-, в выше разъясненном значении термина "вариант основы", но уже в применении к основе производной. Поэтому убеждаемся, что можно говорить не только о "передней" вариации суффикса, как выражался Крушевский, но также и о конечной его вариации, типа -ениј- - -ен. Суффикс -ениј- является в именных образованиях от глаголов с основой на согласный, например нести - несение, и от глаголов на -ить, например лишить -- лишение. Однако далеко не всякое отглагольное существительное, имеющее в исходе звуковой комплекс -ение, содержит именно этот суффикс. Очевидно, например, что в слове повеление, соотносительном с повелеть, звук е перед н относится к основе производящей, а не производной, суффикс же имеет вид -ниј-. Другое дело, суффикс -ение в слове беление как производное к белить. Точно так же фикцией, на мой взгляд, является часто выделяемый суффикс -ание, потому что звук а в большинстве таких случаев относится к составу производящей основы, как например дрожа-ние, стряпа-ние, писа-ние, броса-ние, что соотносительно с дрожать, стряпать, писать, бросать. Поэтому, и в словах сиделец, давалец, поилец не три разных суффикса -елец, -алец, -илец, а один общий суффикс -лец, а предшествующий гласный принадлежит к составу производящей основы, ср. сидеть, давать, поить. Однако звук л в этих образованиях безусловно принадлежит к суффиксу, то есть суффикс здесь звучит не -ец, а -лец, потому что эти существительные соотнесены, разумеется, не с основой прошедшего времени на -л, с которой они связаны только этимологически, а с основой глагола, взятого в отвлечении от значения времени. Не ставлю себе задачей исчерпать здесь вопрос о вариантах суффиксов. Приведу лишь еще несколько отдельных примеров. В слове алгебраический находим редкий, кажется единственный, случай суффикса -аический, составляющего вариант к хорошо известному суффиксу -ический. В слове девчонка, потерявшем прямое соотношение с девка и уже вместе с ним участвующем в общей цепи слов дева, девочка, девушка и т. д., в настоящее время выделяется вариант суффикса -чонк- вместо прежнего -онк-. В словах буржуазия, буржуазный, по соотношению с буржуа, наблюдаем также единично встречающиеся варианты суффиксов -зиј-, -зн-, вместо -иј-, -н. Разумеется, в подобных случаях возможны споры (с моей точки зрения, беспредметные), нужно ли тот или иной звуковой элемент, создающий вариант данного суффикса, считать принадлежащим к составу именно суффикса и не следует ли его рассматривать как элемент, создающий вариант основы. Например, можно задать вопрос, действительно ли слово буржуазный распадается на буржуа-зный, а не на буржуаз-ный, слово буржуазия - на буржуа-зия, а не на буржуаз-ия, и не надо ли вместо вариантов суффиксальных зн -- н, зиј - иј видеть здесь варианты основ буржуа- - буржуаз-. Подобные споры не имели бы никакого смысла. Суть дела выражается вовсе не в том, куда мы отнесем появляющийся здесь лишний звук, а только в том, что в данном случае соотношение двух основ, производящей и производной, принимает вид, который можно было бы выразить формулой: -а/-азн-, -а/-азия, и этого достаточно для понимания данного соотношения. Остальное - дело удобства номенклатуры. Но совсем другое дело, если элемент, которым осложняется суффикс, в других случаях способен обладать самостоятельной функцией, как например в образованиях типа домовничать. Здесь уже далеко не все равно, куда мы отнесем элемент ов - "направо" или "налево". Если в указанном слове элемент ов будем отделять от элемента нича, то тем самым станем первому приписывать значение самостоятельного суффикса, которое он часто имеет в глаголах на -овать, между тем как в составе сложного суффикса -овнича- комплексу ов уже никакого отдельного самостоятельного значения приписать, очевидно, нельзя. И в самом деле, домовничать так относится к дом, как лентяйничать к лентяй, плотничать к плотник, и здесь перед нами, несомненно, один суффикс в трех своих вариантах: -а-, -нича-, -овнича-.

Другим примером трудности провести различие между вариантом суффикса и вариантом основы могут служить соотношения вроде баран - барашек, гребень - гребешок, карман - кармашек, камень - камешек, ремень - ремешок, плетень - плетешок: ср. еще Иван - Ивашка, болтун - болтушка и т. д. Каков ни был бы ответ на вопрос о возникновении этих соотношений, они так или иначе должны быть поняты в их собственном морфологическом содержании. И здесь возможен двоякий ответ. Более простой заключался бы в том, что в данных случаях наблюдается своеобразное чередование звуков н - ш, ограниченное вполне ясными условиями, хотя и необязательное; ср. день - денек, конь - конек, пень -

пенек, игрун - игрунок и пр. В этом случае мы были бы вправе смотреть на соотношения вроде баран- - бараш- как на один из случаев вариантов основ. Другое более сложное толкование состояло бы в том, что в подобных соотношениях наблюдаются варианты суффикса -ок и -шок и одновременно варианты основ баран- - бара-. Второе из этих объяснений представляется менее приемлемым исключительно в силу своей большей сложности, по существу же оно не в меньшей степени отвечает действительности, чем первое, и спор о том, какое из этих объяснений точнее, был бы, на мой взгляд, схоластическим спором о словах, потому что вопрос заключается не в том, какую комбинацию звуков назвать основой, а какую - суффиксом, а только в том, каково реальное соотношение двух форм. Сущность дела и здесь может быть выражена формулой: -ан/ -ашек, а это только и важно.

Вопрос об исторической почве, на которой возникают вариантыные виды суффиксов,- это очень большой вопрос русского словообразования, подлежащий особому монографическому изучению. Здесь я хочу все же подчеркнуть, что самое явление "переразложения" не должно рассматриваться как процесс механический. Конечные звуки основы могут отходить к составу суффикса лишь при определенных условиях. Важнейшее из них состоит, по-видимому, в том, чтобы отходящая к суффиксу часть основы в момент этого отделения сама по себе составляла известное звуковое единство, то есть была бы живой морфемой, а не случайным звукосочетанием. При этом условии отделение такого звукового комплекса от основы не разрушает ее, а лишь изменяет ее производный характер и возвращает ее к предшествующему состоянию, например хлеб, хлеб-ный, (хлеб-н)-ик и затем хлеб-ник. Слово лапчатый возникло как производное к лапка, но при известных обстоятельствах (выяснить которые здесь не место) приобрело значение производного к лапа. Это и стало причиной возникновения суффиксального варианта -чат, и уже на этой почве стали возможны образования вроде узор-чатый, матер-чатый и т. д. Одного слова лапчатый здесь, конечно, было бы недостаточно, но такой же процесс должны были переживать и другие слова сходной структуры, ср. дымчатый, коленчатый и т. д., а вопрос о том, в каких именно словах и по какой причине этот процесс возник первоначально, может быть решен, естественно, только после специальных разысканий. Но, например, в слове перепончатый такого переразложения не наступило до сих пор, и именно потому, что. в слове перепонка элемент к уже ранее того потерял значение суффикса и стал неотделим от своей, уже непроизводной, основы.

Как уже говорилось, каждый отдельный случай, в котором может быть заподозрен вариант суффикса, требует индивидуального анализа. Ничего нет поэтому удивительного в том, что в известных случаях возможна омонимия словообразовательной формы, то есть такое положение, при котором тождественная в звуковом отношении производная основа выделяет в своем составе не те же самые морфемы, членится по-разному, в зависимости от того, с какой производящей основой она соотнесена. Когда мы наблюдаем изолированное слово учительство, то мы не можем сказать, какие морфемы выделяются в этом слове, пока не установим, какое из двух значений, присущих этому слову, имеется в виду. Если учительство означает занятие того, кто учит, то в данном слове выделяется суффикс -тельств-, так как в этом случае соотносительная производящая основа есть учи-. Если же учительство имеет собирательное значение, то в нем выделяется суффикс -ств-. так как ближайшая производящая к нему основа в этом случае есть учитель-. Но проблема омонимии возникает не в том только случае, когда одно и то же звукосочетание то представляет собой одну цельную морфему то расходуется по составам двух соседних морфем. Явление омонимии и вообще теснейшим образом связано с членением слов на морфемы. Нередко звуковой комплекс, в одном члене омонимной пары представляющий собой аффикс в другом члене пары оказывается и вовсе не выделим. Мне кажется, что это один из очень важных объективных признаков, позволяющий отличить омонимную пару от двух значений одного слова, и что этот признак в недостаточной степени учитывается нашей лексикографической традицией.

Так, например, то обстоятельство, что слово завод в контексте завод у игрушки имеет префикс за-, а в контексте консервный завод представляет собой основу непроизводную, лучше всяких других доводов объективно свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с омонимной парой, а не с двумя значениями одного слова. В слове славный наблюдаем то производную основу к слава, например славный полководец, то непроизводную основу, например славный малый. В слове наказать есть префикс на-, если оно означает "дать наказ", и нет префикса, если оно означает "применить наказание". В слове имение основа непроизводная, а суффикс -ние в нем можно было бы выделить только в том случае, если бы это слово можно было бы употребить как существительное, означающее действие по глаголу иметь, но это, по-видимому, в современном русском языке невозможно. В слове положение выделяется префикс и суффикс только до тех пор, пока оно значит то, что значит, например, в выражении положение во гроб, то есть функционирует как обозначение действия по глаголу. Но в

контекстах вроде сидячее положение, отчаянное положение и т. д. это слово представляет собой производную основу. Думаю, что и слово глухарь как обозначение птицы представляет собой основу производную, но когда это слово в производственном аргументе обозначает клепальщика, работающего внутри котла и глохнущего от сильного шума ударов, то суффикс -арь в нем становится несомненным. Уже и этих немногих примеров довольно для того, чтобы видеть, как тесно связан вопрос о выделении морфем в производных основах с вопросом об омонимии. Мне кажется, вообще можно утверждать, что слова с разной словообразовательной формой это безусловно разные слова. Но обратное, разумеется, было бы неверно.

До сих пор речь шла только о таком соотношении двух основ, в которых первичная, или - шире - производящая основа один раз дана внутри производной, а другой - в свободном, выделенном состоянии, без соответствующих аффиксов; ср. сад-овник при сад, при-нести рядом с нести и т. д. Но наряду с этим в русском языке есть очень много таких соотношений, оба члена которых представляют собой производные основы с общей производящей основой, но разными аффиксами. В этих случаях, следовательно " производящая основа выделима только путем соотношения производных основ, а в свободном состоянии не существует. Такие основы, которые всегда даны только в соединении с теми или иными аффиксами, можно было бы назвать основами связанными. Ср., например, соотношение слов при-выкнуть и от-выкнуть, где выделяется первичная основа вык-, неизвестная в свободном от аффиксов виде. Ср. еще при-быль и у-быль, при-бавить, до-бавить и у-бавить или цепь слов: озор-ство, озор-ник, озор-ничать, при отсутствии слова, в котором основа представляла бы собой первичную основу озор- в чистом виде. Точно так же из соотношения кис-лый - кис-нуть - с-кис-ать и т. д. выясняется существование связанной основы кис-. Из соотношения слов напрас-лина - напрас-ный выясняется существование связанной основы напрас. Слова воин - война - войско - воевать объединяются основой вој-, также известной только в связанном виде, но, очевидно, не так было в древнерусском языке, пока употребительно было слово вой, равное по значению нынешнему воин. Непременно нужно считаться с наличием в языковой системе таких связанных основ, так как в противном случае многие явления словообразования получают неверные и сбивчивые толкования. Отсутствие той или иной основы в выделенном, свободном виде всегда есть известный шаг в сторону морфологической абсорбции, то есть к тому что первоначальная производная основа вместе с своим аффиксом превращается в новую производную основу. Однако до тех пор, пока при данной первичной основе возможны все же разные аффиксы, а не только какой-нибудь один, полного сращения аффикса и основы не происходит. Тем не менее самое значение подобной связанной основы бывает затруднительно представить себе в отвлечении от значений, непременно сочетающихся с основой аффиксов, и это нередко создает впечатление невозможности выделить самую основу.

Так, например, встречаются утверждения, согласно которым основы в словах обувь, разуть должны быть признаны производными. Хотя сопоставление обоих этих слов и дает основание выделить здесь первичную основу -у-, этому с трудом верится, так как неясно, что же собственно, означает эта основа? На этой-то почве и возникают заключения о том, что подобная основа "плохо чувствуется", "слабо осознается" говорящими - заключения, совершенно верные в психологическом отношении, но лишённые лингвистического содержания. Как сказано было выше, то обстоятельство, что известная морфема слабо осознается, "не ощущается" в своем качестве морфемы, есть не объяснение, а то, что должно быть объяснено. В применении к основе -у-, выделяющейся из соотношения обувь - разуть, указанное обстоятельство объясняется тем, что значение данной основы не существует вне сочленения с значениями приставок об-, раз-. Неправильно было бы думать, что значение основы -у- вообще неопределимо. Нет, оно определимо, но только так, что при любом его определении в самое определение непременно будет входить указание на то, что соответствующее действие возможно только в тех его модификациях, которые в языке обозначаются префиксами об-, раз-. Например, значение основы у- можно было бы определить так: "совершить действие, в результате которого ноги будут снабжены одеждой или лишены ее". Так и в остальных случаях. Что значит озор вообще - сказать невозможно, не сказав тут же, что значение этой основы всегда дано только вместе с какой-либо из модификаций, которые вносятся в него суффиксами -ство, -ной, -ник, -начать и т. д. Другое дело, что такого рода соотношения, покоящиеся на ограниченном числе членов и притом выделяющие основу, бедную в звуковом отношении, как это имеем в случае основы -у-, очень неустойчивы и легко подвергаются изменениям. Так, например, в польских говорах старое z-uc' (ср. старославянское из-оути) заменилось словом z-zuc', то есть конечный звук приставки повторился в качестве начального звука основы, а это повело далее к образованиям вроде ze-zuc', we-zuc' - основа стала фонетически богаче. Интереснее

другой путь, представленный польскими говорами, именно появление слов o-buc', ze-buc', обусловленных переразложением ob-uc' > *o-buc' (пример заимствую у Улашина, Slowotworstwo, § 6). Ср. в "Швамбрании" Льва Кассиля выражение мальчика Оськи: "на нем набуты кандалы", с тем же отнесением звука б, выделенного из приставки, к составу основы. Легко можно представить себе, что, сказав на-бусть, в другой раз тот же персонаж мог бы сказать и раз-бусть, а в соотношении о-бусть, на-бусть, раз-бусть общая основа, повторяющаяся уже трижды, и притом более богатая материально, чувствовалась бы уже гораздо отчетливее. Уже одно то обстоятельство, что живое чувство языка стремится сделать основу более осязательной, превосходно свидетельствует о том, что такая основа существует как нечто вполне реальное.

Приведу теперь еще несколько примеров связанных основ. Такого рода основы мы находим, например, в словарных цепях: комедия - комик - комический; трагедия - трагик - трагический, где выделяются общие основы ком- и траг-. Значение этих основ будет представлять собой, очевидно, остаток от вычитания значений суффиксов -едия, -ик, -ический из значений соответствующих слов. Это значение будет представлять собой, конечно, известную абстракцию, но иначе и быть не может. Важно то, что в значении всех слов данной цепи присутствует с несомненностью известный общий элемент - он и составляет значение основы. В соотношении слов волнение - волновать - волноваться в контекстах ему вредно волнение, ему нельзя волноваться и т. п. будет общая основа волн-, несмотря даже на то, что слово волна при данном значении этих слов в этом соотношении не участвует.

В словах максимум - максимальный, минимум - минимальный имеем связанные основы максим-, миним-. В некоторых случаях можно колебаться относительно того, нужно ли видеть в данной цепи слов общую связанную основу или же - варианты разновидности свободной основы. Примером могут служить соотношения вроде вероятно - вероятный, велееречие - велееречивый, великоление - великолепный и т. п. С одной стороны, в первом члене подобных соотношений можно усматривать суффиксальную основу с суффиксом -и-, и тогда в них будет выделяться и общая связанная основа вероят-, велеереч-, великолеп-. С другой стороны, можно рассматривать основу вероятий- как основу производную и представляющую собой вариант основы вероят- и соответственно выделять основы велееречи-, великолепи- в виде вариантов к основам велеереч-, великолеп-. Опять-таки и здесь возможные разногласия были бы, по-моему, лишены серьезной почвы и свелись бы к спору о словах. Ср. еще канцелярия - канцелярский, наличие сходного соотношения кавалерия - кавалерийский толкает как будто бы мысль к тому, чтобы в канцелярий- видеть вариант основы канцеляр-. Однако и при таком взгляде на дело, при котором в основе канцелярий- выделяется суффикс -ий и оба слова канцелярия - канцелярский объединяются общей связанной основой канцеляр-, сущность словообразовательного отношения остается та же. Ср. и такое своеобразное соотношение, как поэзия - поэма - поэт - поэтический. И здесь можно видеть или общую связанную основу поэт-, означающую то, что отвлекается в этих словах от значений суффиксов -зи-, -м, -т, -тический, или общую производную свободную основу, представленную в своих вариантах поэзи-, поэм-, поэт-, но сущность дела в обоих случаях останется та же.

Классификация основ, известных только в связанном виде, построенная на их исчерпывающем описании, также составляет очень важную задачу учения о словообразовании, в особенности важную для истории языка, так как именно в этой области особенно легко найти материал, который иллюстрировал бы общие процессы, ведущие к преобразованию морфологического состава слова. В частности, и в этой области наблюдается много явлений, обнаруживающих живую связь между членением производных основ на морфемы и омонимией. Именно можно найти целый ряд случаев, в которых омонимность производящих основ будет выражаться в том, что один из членов омонимной пары будет представлен свободной основой, а другой - связанной. Например, в соотношении двор-ня и двор-овый выделяется основа двор- омонимная по отношению к той основе двор-, которая выделяется в соотношении двор - придворный, и той, которая существует в слове двор, когда это слово употребляется в фразе вроде На дворе резвятся дети, и т. п. В соотношении слов за-пасти и при-пасти выделяется основа, омонимная к пасти, когда речь идет о слове, употребляемом, например, в фразе пасти скот. Справка о ближайшем прошлом русского языка показывает, что и в той словарной цепи, к которой сейчас Принадлежат запаста и припасти, существовало слово пасти, см. в "Горе от ума": "мы его на черный день пасем". В цепи слов надеть-одеть-переодеть-раздеть выделяется связанная основа -деть, омонимная по отношению к деть. Из сопоставления слов схожий - похожий - походить и т. д. выясняется наличие связанной основы -ход- / -хож-, представляющей собой омоним к той основе, которая выделяется в соотношении ходить - приходить - походить. Соответствующий анализ основ поэтому может служить важным

доказательством в пользу того или иного решения вопроса, если возникают сомнения - омоним перед нами или то же слово в различных значениях Так, в пользу высказанного однажды в устном докладе В.В. Виноградова мнения согласно которому стянуть представляет собой два разных слова в случаях стянуть что с чего и стянуть что чем, с непререкаемой ясностью свидетельствует то обстоятельство, что во втором случае перед нами связанная основа -тя- / -тяг-, а в первом - соответствующая свободная основа. Именно во втором случае наблюдаем соотношение стянуть - перетянуть - затянуть - затянуться и т.п., то есть такое соотношение в котором искомая основа не существует без сочленения с префиксом. Между тем в первом случае наблюдаем соотношение тянуть - стянуть - вытянуть и т.п., где искомая свободная основа налицо. Поэтому это основы разные, а оба слова стянуть - омонимы.

Специальный интерес представляют, далее, связанные основы, выделяющиеся из суффиксальных образований, между суффиксами которых существует своеобразная принудительная связь, отчасти напоминающая парадигматическую связь, наблюдающуюся в отношениях между формами словоизменения. Словообразовательные аффиксы вообще отличаются от окончаний тем, что наличие одного из них не непременно предполагает наличие другого или остальных. Наличие формы плода достаточно для того, чтобы иметь право утверждать одновременное наличие форм плоду, плодом, о плоде, плоды и т.д. Однако наличие основы плод-овый само по себе еще ничего не говорит о том, существует одновременно с этой формой в языке основа плод-овитый или не существует. Так, например, при основе садовый нет соответствующего образования на -овитый. Таких примеров, как понятно каждому, можно было бы привести множество. Однако не все суффиксальные образования находятся в таком свободном отношении один к другому. В некоторых случаях отношения между отдельными суффиксами являются настолько тесными, что, действительно, наличие одного из суффиксов с принудительностью свидетельствует о том, что в языке есть данная основа и с другим соответствующим суффиксом. Примером такой принудительной связи между суффиксальными образованиями может служить соотносительность форм мужского и женского лица, как например учитель - учительница, ученик - ученица, китаец - китайка, пловец - пловчиха (спортивное) и многие другие. Разумеется, это связь вовсе не такая же, как например связь падежных форм, потому что это связь все же преимущественно не грамматическая, а лексическая, и потому здесь не может не сказываться власть реальных. Так, например, слово бойчиха при боец появилось совсем недавно, да и не стало (а может быть, и не станет) обыкновенным, так как до недавнего времени для такого слова не было оснований в самой действительности. Но если отрешиться от этих ограничений, вносимых реальными условиями исторической действительности, то с известным правом мы могли бы сказать, что всякое суффиксальное образование с значением мужского лица предполагает параллельное образование с значением женского лица. И вот в тех случаях, когда подобные параллельные образования мужского и женского лица представляют собой основы, производные по отношению к основе, невыделимой иначе, как только именно из этих же образований, эта основа уже совсем слабо "ощущается" как самостоятельная морфема с своим собственным значением. В самом деле, что значит основа нем-, выделяющаяся в таких производных, как немец, немка, и столь же неразрывно связанной с ними производной основе немецкий,- если только отрешиться от обычных этимологических представлений, в данном случае, по-видимому, совершенно неверных (ср. Ильинский, Известия, XXIV, кн. 1). Ср. еще отношения вроде жрец - жрица - жреческий, сверстник, - сверстница и т.п. В принципе и такие основы определены, но в сравнении с основой -у- в обувь - разуть это определение еще в меньшей степени будет свободно от привнесения в него элементов суффиксальных значений. Разница значений суффиксов мужского и женского лица меньше разницы значений префиксов об- и раз-, ведь у этих суффиксов в сущности одно и то же значение модифицированное лишь признаком пола. При этом надо считаться еще с тем, что основа, обозначающая мужское лицо, почти всегда может быть употреблена и в применении к женскому лицу, ср., например, выражения вроде она - мой сверстник, она - жрец науки и пр. В результате и возникает впечатление почти полной смысловой пустоты соответствующих основ, если пытаться отделить их от связанных с ними суффиксов. Тем не менее и такие основы представляют собой совершенно несомненную морфологическую реальность, правда, не того же типа, что основы в других случаях. Достаточно, например, чтобы при словах, обозначающих подданного и подданную какого-либо государства, существовало еще название самого государства с той же основой, чтобы значение этой основы сразу же получило гораздо более отчетливый характер, ср. хотя бы голландец-голландка при Голландия и т.п. Еще яснее выступает значение основы, если в обозначении государства она является производной, как в случаях вроде китаец - Китайка - Китай. Другим примером таких принудительно связанных основ, имеющих общую первичную связанную основу, служат

многочисленные в современном книжном языке образования на -изм, -ист, -истский вроде футуризм - футурист - футуристский, букинизм - букинист - букинистский или букинистический, баптизм - баптист - баптистский и т. п. Конечно, это совсем не то что марксизм или ленинизм, соотносимые непосредственно с именами Маркс и Ленин. В последних двух случаях и аналогичных им значение первичной основы совершенно прозрачно. Но что значат основы футур-, букин-, бапт-, или футури-, букини-, бапти-, что может быть точнее, при суффиксальных вариантах -зм, -ст, -стский и т. п., - отрешаясь полностью от значений этих суффиксов, определить очень трудно. В заключение считаю нужным остановиться еще на том, что производная морфема выделяющая в своем составе несколько морфем, выделяет их не все сразу и одновременно, а так, что между ними обнаруживаются связи разных планов. Например, если от производной основы первой степени образуется новая производная основа второй степени, то три морфемы, образующие эту новую основу, связаны между собой не порознь, в виде одной сплошной цепи A+B+C, а так, что третья присоединяется к уже готовой комбинации первых двух, то есть возникает соотношение образца (A+B)+C; ср. чит-а-ть, но (чит-а)-тель или бел-и-ть, но по-(бел-и)-ть. Иначе говоря, морфологическая структура русского слова такова, что внутренняя зависимость между производящими и производными основами разных степеней обнаруживается в последовательном, а не одновременном присоединении морфем, составляющих основу каждой новой степени по сравнению с предшествующей. Одной из очень важных задач учения о русском словообразовании, несомненно, следует признать указание точных приемов такого расчленения производных основ выше первой степени, которое отражало бы эту последовательность в присоединении каждой новой морфемы к уже существующим их сочленениям, - являющимся в основах младших степеней. Если принять это во внимание, то можно будет сказать, что каждая производная основа в принципе делится на две морфемы, из которых первая есть основа производящая по отношению к данной производной, а вторая - аффикс, посредством которого эта производная основа создана из производящей. Но в свою очередь данная производящая может быть производной от какой-нибудь производящей предшествующей степени, то есть снова может делиться на две морфемы, из которых первая есть основа, а вторая аффикс и т. д. Например, основа в слове блуждающий делится на производящую основу настоящего времени блужда- и причастный суффикс -ущ-. Но основа настоящего времени в свою очередь делится на общеглагольную основу блужда- и тематический согласный -j-, а общеглагольная основа блужда -- на первичную основу блужд- -блуд- (ср. за-блуд-иться) и тематический гласный а. Если еще принять во внимание, что падежно-родовое окончание относится, как ясно само собой, не к одному суффиксу -ущ-, а к основе в целом, то получим следующую формулу морфологической структуры данного слова: $\{[(\text{блужд-а})\text{-j}]\text{-ущ}\}$ -ий.

Соответственно морфологическая структура слова берегательский выразится так: $\langle\{[(\text{с-берег})\text{-а}]\text{-тель}\}$ -ск>-ий

и т. д. К большому своему удовлетворению я встретился с точно таким же взглядом на дело в книге W. L. Graff. *Language and languages* (1932, p. 150 sq). Здесь, между прочим, читаем: "Как и сложное слово, производное слово представляет собой всегда бинарную конструкцию, то есть оно разложимо на две части. Если обе части представляются простыми единствами, как например beauti+ful, производство называют первичным; если один из двух элементов уже сам по себе представляет первичную морфологическую конструкцию, как например [(beauti+ful)+ly], его комбинация с другой частью называется вторичной. Слово вроде disagreeably = {[dis+(agree+able)]+ly} представляет собой третичный продукт, disagreeability будет четвертичной комбинацией и т. д."

Новые производные основы создаются присоединением как суффиксов, так и префиксов, а отсюда в префиксально-суффиксальных образованиях могут встречаться отношения двоякого рода, в зависимости от того, образуется ли префиксальная основа от суффиксальной или наоборот. Например, вторичные основы несовершенного вида, заключающие в себе суффикс -а- или -ыв(а)-, в современном русском языке представляют собой образования, непосредственно соотносящиеся с соответствующими префиксальными основами с значением совершенного вида, которые в свою очередь соотносятся с соответствующими непрефиксальными основами, а эти сами могут быть суффиксальными. Например, суффиксальная основа [(вор-ов)-а]-ть превращается в префиксальную {раз-[(вор-ов)-а]-ть}, а эта - в суффиксальную {[раз-(вор-ов)]-ыва}-ть и т. д. В каждом конкретном случае внутренние связи между морфемами данной основы выясняются индивидуальным анализом основы со стороны значения ее составных частей. Но возможны также случаи, в которых к данной производящей основе присоединяются сразу, в одном акте словопроизводства, как префикс, так и суффикс. Таковы, например, образования вроде побережье к берег, заречье к река, подножие к нога и т. п. Такой

префиксально-суффиксальный характер имеют также образования вроде па-сын-ок при сын, па-дчер-ица при дочь, хотя это образования совсем непродуктивные, а образования типа побережье очень продуктивны.
